

DOI: 10.15372/HSS20160112
УДК 94(47)“1921/1929”

В.А. ИЛЬИНЫХ

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО В СИБИРИ В УСЛОВИЯХ НЭПА: ВЫБОР ОПТИМАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Владимир Андреевич Ильиных,
д-р ист. наук, заведующий сектором,
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: agro_iwa@mail.ru

В статье рассматриваются базовые тренды земельной политики советского государства в годы нэпа, а также освещается дискуссия о выборе оптимальных форм внутринадельного землеустройства в Сибири. Задачей внутринадельного землеустройства являлась рационализация общинного землепользования, изъянами которого в Сибири были дальнеземелье, чередование участков, возможность уравнительного передела. В качестве альтернативы многодворной общине был избран небольшой поселок. Дискуссию вызвал вопрос о форме землепользования внутри поселка. В середине 1920-х гг. оптимальным считалось разверстание пашни на отруба с оставлением выгона в совместном пользовании жителей поселка. В конце 1920-х гг. выдел отрубов отвергли как задерживающий коллективизацию. Приоритет получили так называемые товарищеские формы землепользования.

Ключевые слова: аграрная политика государства, нэп, сельское хозяйство, землепользование, землеустройство, крестьянство, крестьянская община, Сибирь.

V.A. ILYINYKH

LAND SURVEYING IN SIBERIA UNDER CONDITIONS OF NEP: CHOOSING THE OPTIMAL FORM

Vladimir A. Ilyinykh,
Doctor of Historical Sciences, Head of the Agrarian History Sector,
Institute of History SB RAS,
8, Ak. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: agro_iwa@mail.ru

The article analyzes basic trends in land policy of the Soviet state in the 1920s. It also provides an analysis of the discussion that took place in Siberia and was focused on the choice of optimal forms of peasant communes' land surveying. Analysis of this problem allowed to describe the dynamics of NEP and to outline its periodization. Land surveying was aimed at rationalization of the peasant communes' land use. In Siberia where communes consisted of multiple households the peasants' individual allotments were scattered all over the communal territory and were far from a household and from each other. Moreover, individual allotments could be subject to compulsory repartitioning. With regard to this region it was proposed to replace communes consisting of multiple households with smaller settlements separated from the former communes. However, the discussion arose on what forms of land use were to be chosen within these settlements. A solution to this problem depended on the changing policies of the Bolshevik party. In 1924 the first attempt was made to wind up the NEP. In 1925-1926 agricultural policy was liberalized. In the late 1920s the Bolsheviks set off on a new course of collectivization of agriculture. In 1924 specialists from the agricultural management bodies of Siberia envisioned three possible ways of land surveying: recovery of communal practices within the territories of new settlements; establishment of kolkhozes; division of communal lands into individual parcels. In 1925-1926 division of arable lands into individual parcels (with pastures and sources of water supply left in joint use) was considered as an optimal form of land surveying. In the late 1920s the allotment of individual parcels was rejected as an obstacle in the path of collectivization. In the course of land survey the communes with multiple households were supposed to be split into several kolkhozes or into smaller peasant communes which later would serve as a basis for collective farms. Specialists from the agricultural management bodies who supported individual forms of land use were strongly criticized and later subjected to repression.

Key words: agricultural policy, NEP, land use, land surveying, peasantry, peasant commune, Siberia.

Цель макро- и микрореформирования аграрных отношений, проводимого в рамках нэпа, заключалась в создании условий для восстановления и поступательного развития сельскохозяйственного производства. Важное место при этом отводилось регулированию земельных отношений, которое на практике осуществлялось посредством землеустройства. Его проведение возлагалось на земельные органы¹.

Основным объектом землеустройства в исследуемый период были крестьянские общинные (надельные) земли. Общинное землепользование являлось абсолютной преобладающей формой землепользования в России и большинстве ее регионов, включая Сибирь. Устройство наделных земель предусматривало их деление на три основных вида. В ходе регистрации осуществлялось официальное межевание существующих, но юридически не оформленных участков. В рамках территориального землеустройства (межселенного – по терминологии того времени) проводилось изменение границ землепользования между общинами (земельными обществами). Внутринадельное (внутриселенное) устройство предполагало изменение земельного строя внутри общин. Общинный надел мог быть разделен на широкие полосы, поля севооборота, более мелкие земельные общества (с расселением или без расселения), индивидуальные (хутора или отруба) и коллективные (колхозы) участки. В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с выбором оптимальных форм внутринадельного землеустройства в Сибири в условиях нэпа.

Выбор приоритетных форм и направлений землеустройства на каждом этапе нэпа обуславливался совокупностью политико-идеологических и прагматических факторов. Прежде всего, он зависел от политической конъюнктуры («колебаний линии партии»). Важное значение для определения вектора землеустройства имели идейно-теоретические взгляды руководителей и ведущих специалистов Наркомзема и региональных земельных органов. Следует подчеркнуть, что многие специалисты придерживались взглядов, отличных от марксистских воззрений на решение аграрного вопроса. На земельную политику на местах также влияли региональные особенности земельного строя.

Основной задачей внутринадельного землеустройства как в годы нэпа, так и в предыдущий период было устранение недостатков общинного землепользования, которые сдерживали развитие производительных сил в сельском хозяйстве. Характерные для общины центральных губерний России чересполосица, принудительный трехпольный севооборот и частые уравнильные переделы препятствовали внедрению агротехнических новаций в индивидуальное крестьянское хозяйство. В ходе столыпинской аграрной реформы была осуществлена попытка радикального решения данной проблемы. Главными целями

¹ Земельные органы – принятое в России (СССР) до начала 1946 г. название государственных органов, в ведение которых входило управление сельским хозяйством.

реформы являлись ликвидация общины и создание частного крестьянского землеустройства путем раздела наделных земель на индивидуальные участки – хутора и отруба. Наиболее совершенным типом крестьянского землепользования считались хутора.

Лидеры большевистской партии, пришедшей к власти в России в конце 1917 г., также воспринимали общину как архаичный институт. По их мнению, на смену объединенным в общину мелкотоварным крестьянским хозяйствам должны в перспективе прийти функционирующие на базе общественной собственности высокотоварные социальные сельскохозяйственные предприятия. В то же время программа построения социализма предполагала наличие переходного периода, в рамках которого предусматривалось сохранение общины и единоличного крестьянского хозяйства. При этом большевики не были сторонниками консервации общинных порядков и поддерживали необходимость рационализации наделного землепользования. В принятом в феврале 1918 г. ВЦИК «Основном законе о социализации земли» указывалось, что «в целях борьбы с чересполосицей, тормозящей развитие сельского хозяйства, земли <...> должны отводиться по возможности к одному месту» [1, с. 42].

Однако уже в феврале 1919 г. большевистское правительство решило приступить к «организации сельского хозяйства на основах социализма», приняв Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию². Крупные совхозы, коммуны и «другие виды товарищеского землепользования» провозглашались «наилучшими средствами» для организации сельского хозяйства, а все виды единоличного землепользования – «проходящими и отживающими». Тем не менее и в этом законодательном акте ставилась задача борьбы с чересполосицей.

В Земельном кодексе 1922 г., знаменующем собой отказ от военно-коммунистических экспериментов и переход к нэпу в сфере аграрных отношений, провозглашались равенство и свобода выбора всех форм трудового землепользования, в том числе подворной и хуторской. В рамках общины каждый крестьянский двор или их группа получали право «отказаться от существующего порядка землепользования и выйти с землею к одному месту». Кодексом предусматривались меры против чрезмерного дробления крестьянских дворов вследствие разделов, а также вводились ограничения на переделы общинных земель. Землеустройство следовало проводить в первую очередь «для создания населению наибольших удобств в землепользовании путем устранения чересполосицы, дальнотельности и т.п.»³.

В начале 1920-х гг. в стране сформировалось три основных подхода к организации землеустройства в деревне. Провозглашение в Земельном кодексе равноправия форм трудового землепользования стало од-

² СУ РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43.

³ Там же. 1922. № 68. Ст. 901.

ной из причин возникновения концепции нейтралитета земельных органов в вопросе выбора населением форм землепользования. Приверженцы данной концепции были убеждены, что крестьяне вправе самостоятельно определять необходимые им виды землеустроительных работ, а земорганы должны выполнять их заказ, не препятствуя сделанному выбору. Объективным основанием возникновения подобной точки зрения являлась введенная после перехода к нэпу платность землеустроительных работ.

Функционеры, оставшиеся сторонниками коллективных форм организации сельхозпроизводства, рассматривали провозглашенную в кодексе свободу выбора как декларацию, необязательную для исполнения, и резко критиковали практику нейтралитета. Советские землеустроители, по их мнению, не могут быть нейтральными в земельном вопросе и должны препятствовать переходу к тем формам пользования сельхозугодьями, которые затрудняют их будущее обществление.

Сторонники более умеренной позиции были против административных методов регулирования аграрной экономики как противоречащих нэповским принципам. Но при этом они считали, что агроперсонал и землеустроители на местах обязаны пропагандировать среди крестьян более рациональные формы ведения хозяйства и пользования землей⁴.

В 1923–1924 гг. в СССР была предпринята первая попытка свертывания нэпа, которая сказалась и на земельной политике государства. Нарком земледелия РСФСР А.П. Смирнов, исходя из поставленной XII съездом РКП(б) задачи «преимущественной поддержки» коллективных форм организации сельхозпроизводства [2, с. 120], 24 октября 1924 г. направил в адрес областных и губернских земельных управлений циркуляр «О прекращении хуторских разверстаний»⁵. В нем подчеркивалась задача – «держат твердый курс на коллективизацию с[ельско] х[озяйственного] производства в области как землепользования, так и хозяйства. <...> С этой точки зрения не только не может ставиться в качестве положительной задачи разверстание земель на хутора, как наиболее разобщающее землепользование и укрепляющее индивидуальное хозяйствование, но и должны быть принимаемы меры к прекращению дальнейшего хуторского разверстания».

Большевистское контрнаступление на нэп обернулось нарастанием кризисных явлений как в экономической, так и в политической сферах. В этих условиях обострилась внутрипартийная борьба. К власти в партии и государстве пришла группировка, лидеры

⁴ Ведущие специалисты земельных органов Сибири разделяли третью из указанных позиций. Так, руководители Сибкрайземуправления не стали руководствоваться секретным циркуляром Наркомзема от 24 октября 1924 г. «О прекращении хуторских разверстаний» (см. ниже), поскольку, по их мнению, он противоречил Земельному кодексу. – Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 79. Л. 147.

⁵ Там же. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1638. Л. 47–49.

которой публично отстаивали необходимость продолжения и углубления нэпа. В конце 1924 – начале 1925 г. под их руководством началась реализация «нового курса» РКП(б), получившего название «Лицом к деревне». В сфере регулирования земельных отношений подтверждалась закрепленная в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. свобода выбора форм землепользования. III Съезд Советов СССР указал на недопустимость «административных преград выделению на хутора и отруб» [1, с. 473]⁶. В постановлении СНК РСФСР «О мерах по улучшению землеустройства» от 9 октября 1925 г. земельным органам предлагалось «направить все усилия непосредственно на улучшение подворно-хозяйственного пользования землей». Приоритетное внимание следовало уделять преодолению чересполосицы, в том числе за счет выделения отрубов⁷.

Выбор оптимальных форм внутринадельного землеустройства на местах зависел от региональных особенностей землепользования. В Сибири не было классической чересполосицы с характерной для нее узкополосицей и длиннополосицей (наличием большого количества перемежающихся друг с другом узких и протяженных участков пашни). Тем не менее принадлежавший отдельному хозяйству сибирского крестьянина надел делился, как правило, на несколько участков, которые были разбросаны по территории общины, перемежаясь с участками других хозяйств и вклиниваясь в них. В связи с многодворностью сибирской общины индивидуальные участки обрабатываемой пашни находились далеко как друг от друга, так и от двора (дальноземелье). В ряде земельных обществ наделы периодически подвергались полным или частичным переделам. В тех общинах, в которых переделы не практиковались, их потенциальная возможность все же возникла. Недостатки внутринадельного землепользования усугублялись наличием в сибирской деревне достаточно большого количества так называемых неприписанных крестьян. Таковыми являлись самовольные переселенцы (в том числе голодобеженцы), не получившие от государства или общины земельного участка.

В первые годы нэпа в связи с острым финансовым кризисом и недостатком выделяемых государством денежных средств размеры землеустройства в Сибири были относительно невелики. Основные усилия земорганов были сосредоточены на наделении землей неприписанного населения, земельной регистрации,

⁶ Вместе с линией партии изменилась и позиция наркома земледелия, отменившего 16 мая 1925 г. действие своего циркуляра «О прекращении хуторских разверстаний» от 24 октября 1924 г. (см. выше). При этом нарком указал, что «земельные органы впредь должны применять при выборе населением форм землепользования исключительно меры культурно-экономического и технического воздействия на него в сторону выбора форм, наиболее облегчающих производственное кооперирование, и, оставаясь на почве Земельного кодекса, отнюдь не прибегать к административным мерам воспрепятствования хуторского и отрубного разверстания» (Там же. Д. 1639. Л. 68–69).

⁷ Известия. 1925. 31 окт.

межселенном землеустройстве. По мере развертывания нэпа, восстановления сельского хозяйства и наращивания бюджетного финансирования масштабы работ увеличивались.

На состоявшемся в декабре 1924 г. 5-м Сибирском земельном совещании была поставлена задача введения устройства земельной территории «в цепь необходимых мероприятий, направленных к развитию и укреплению сельского хозяйства»⁸. При этом внутринадельное землеустройство должно было способствовать реализации сформулированной тем же совещанием стратегической цели аграрного развития Сибири – замене преобладающей в регионе залежной системы земледелия на травопольную⁹.

Такая постановка задачи ставила на повестку дня вопрос о выборе формы землепользования, наиболее благоприятной для внедрения травополья. Данная система земледелия с многолетними севооборотами, по мнению многих ее adeptов, предполагала выделение каждому вводящему их хозяйству отдельно расположенного, компактного земельного участка на практически неограниченный срок. Обеспечить эти условия в рамках сибирской многодворной крестьянской общины было практически невозможно. Дальнеземелье существенно повышало транспортные и трудовые издержки. Возможный уравнительный передел создавал угрозу устойчивости севооборота и ставил под сомнение экономическую целесообразность вложения труда и капитала в землю, которая через некоторое время могла достаться более нерадивому хозяину.

Требованию устойчивости землепользования в полной мере отвечали хутора. Поэтому травопольные севообороты в крестьянском секторе аграрной экономики первоначально внедрялись в хуторских хозяйствах¹⁰. Вместе с тем некоторые особенности хуторской системы делали невозможным массовое тиражирование данной формы землепользования в Сибири. В сельскохозяйственной литературе указывалось на то, что хутор, хотя и пригоден для земледелия, но не отвечает требованиям рационального ведения животноводства. Кроме того, на юге края неблагоприятные условия водоснабжения препятствовали выделению хуторских участков. И, наконец, хуторское разверстание затрудняло объединение крестьян в простейшие производственные кооперативы¹¹.

⁸ Резолюция 5-го Сибирского земельного совещания. Ново-николаевск, 1925. С. 47.

⁹ Травополье – система земледелия, в которой повышение плодородия достигается за счет введения в севообороты значительно (до 50 %) клева сеяных трав. Переход к травополью, по мнению руководителей сибирских земорганов, позволял повысить плодородие почв, предотвратить сползание земледелия к трехполью и существенно нарастить кормовую базу животноводства (см. [3, с. 136]).

¹⁰ В 1922 г. в Омской губернии на травополье перешло одно, в 1923 г. – 16 хуторских хозяйств (Земельный работник Сибири. 1925. № 1. С. 42).

¹¹ В помощь земледельцу. 1924. № 6. С. 26; Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии. Омск, 1924. С. 266–267; Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 2: Перспективный план. С. 439.

Руководители и абсолютное большинство специалистов сибирских земорганов считали, что альтернативой многодворной общине и хуторам является небольшой поселок, выделенный из общины, – выселок¹². Дискуссию вызвал вопрос о форме землепользования внутри поселка. Следует отметить, что в 1924 г. обсуждение данного вопроса велось в условиях разворачивающегося контрастступления на нэп.

Наиболее распространенной среди специалистов являлась точка зрения о необходимости разверстания территории выселка на отруба. Иная позиция была сформулирована в вышедшем в начале 1924 г. «Перспективном плане развития сельского хозяйства Омской губернии». Его авторы полагали, что отруба способствуют индивидуализации землепользования, которая может препятствовать внедрению рациональных форм ведения сельхозпроизводства в рамках всего поселка сразу, а также кооперированию. Эти затруднения снимаются при общинной форме землепользования. Так, проведение крупных мелиоративных мероприятий возможно только общими силами. Причем коллективно мелиорируемые земли затем могут быть подвергнуты справедливому переделу. «При отрубной же форме землепользования проведение таких мероприятий будет сильно затруднено, ибо выгоды от мелиорации для разных отрубов будут неодинаковы». В омском Перспективном плане также указывалось, что в условиях губернии более рациональным является наличие общего выгона для пастьбы скота. Отрубной же строй предполагает выделение части выгона в отруб, что было достаточно сложным, а иногда и практически невозможным землеустроительным мероприятием. Общинный строй в рамках выселка обеспечивал введение общего севооборота с выделением каждому двору широкополосного участка в каждом поле севооборота¹³.

Составители Перспективного плана восстановления и развития сельского хозяйства Алтайской губернии более оптимальной формой внутрипоселкового разверстания считали отрубную, хотя не исключали коллективную и общинную. «Наиболее желательной формой пользования отводимыми при расселении участками являются всякого рода товарищеские формы¹⁴, а при недостижении их признается приемлемой и общинная форма, хотя в целях предупреждения образования чересполосицы, неизбежной при много-

¹² Существовали различные точки зрения на оптимальные размеры выселка: 10–20 дворов (Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии. С. 267); 15–20 дворов (Жизнь Сибири. 1924. № 7–8. С. 35); 18–20 дворов (Земельный работник Сибири. 1925. № 2–3. С. 23). В Перспективном плане развития сельского хозяйства Сибирского края максимальный размер поселка равнялся 25 дворам (Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 446).

¹³ Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии. С. 266–267.

¹⁴ В омском Перспективном плане товарищеская форма землепользования определялась как «идеальная», но выносилась «за скобки», поскольку, по мнению его авторов, речь в плане должна идти «о формах землепользования массового крестьянства» (Там же. С. 268).

польных общественных севооборотах, желательным, но не обязательным является переход на отруба»¹⁵.

В резолюции 5-го Сибирского земельного совещания допускалось как общинное, так и отрубное устройство выселка. В ней также указывалось, что коллективные формы землепользования являются экономически более целесообразными. «Однако, учитывая современное состояние деревни, нельзя рассчитывать на широкое [их] применение»¹⁶.

Точки над «i» в дискуссии об оптимальной форме внутрипоселкового землепользования были поставлены в изданном в начале 1926 г. «Перспективном плане развития сельского хозяйства Сибирского края»¹⁷, составление которого завершалось в условиях проведения курса РКП(б) «Лицом к деревне». Коллектив разработчиков плана возглавил П.А. Месяцев¹⁸, назначенный в октябре 1924 г. на должность заведующего Сибземуправлением. Месяцев определял колхозы как «очень трудно прививающуюся» форму организации сельхозпроизводства и в связи с этим полагал, что в условиях нэпа советское государство при проведении аграрной политики должно делать ставку на развитие индивидуального крестьянского хозяйства, способствуя подъему его производительных сил и повышению товарности [4, с. 8, 20].

В соответствии с общесибирским Перспективным планом крестьяне в рамках поселков получали участок пашни в постоянное и не подлежащее переделу отрубное пользование. Выгон же и источник водоснабжения оставались в их совместном владении. Кроме того, они объединялись в поселковые производственные кооперативы, в том числе мелиоративные.

Конечной целью землеустройства в Сибири провозглашалось расселение многодворной общины и образование выселков. В связи с этим возникал вопрос об отношении земельных органов к другим видам внутриселенного землеустройства. Заведующий отделом землеустройства Сибкрайземуправления В.Е. Максимов выступал против разделения многодворной общины на постоянные отруба. По его мнению, они, «будучи неплохи в маленьких обществах и вновь организуемых выселках, <...> создают в многодворных селениях сильные затруднения для расселения в дальнейшем, и поэтому в этих последних, впредь до расселения их, не могут быть поддерживаемы». Он также считал, что выделение временных отрубов в рамках многодворной общины, разбивка принадлежавшей ей пашни на широкие полосы и поля севооборота, а тем

более переделы на срок не дают возможности «вводить серьезные улучшения в хозяйстве» [5, с. 18, 19].

По мнению В.Е. Максимова, переходной формой регулирования внутриселенных земельных отношений, которая даст «инициативным группам возможность вводить улучшения в хозяйстве вплоть до введения правильного паротравопольного севооборота» и в то же время не создаст препятствий для образования выселка в будущем, является «разбивка многодворных селений на мелкие земельные общества размеров оптимальных поселков с отводом каждому такому обществу самостоятельного участка в полевой земле» [5, с. 19].

В резолюции состоявшегося в начале 1926 г. Первого краевого съезда землеустроителей были сформулированы следующие целевые установки землеустройства в Сибири [6, с. 13–14]:

1) основной задачей землеустройства является рационализация сибирской общины, которая отличается запутанностью и неустойчивостью земельных отношений, а также многодворностью, «убивающей инициативу меньшинства в деле улучшения сельского хозяйства и вызывающей дальнотемелье»;

2) многодворность и дальнотемелье купируется расселением существующих больших селений на выселки оптимальных размеров. В случае невозможности этого нужно добиваться раздела многодворной общины на мелкие земельные общества без расселения;

3) во вновь организуемых поселках и мелких земельных обществах землеустройство необходимо доводить до двора путем разверстания земель на отруба постоянного или временного пользования.

Следует отметить, что, определяя перспективные и текущие задачи сибирских земорганов, их руководители и ведущие специалисты опирались на концепцию реформирования сельского хозяйства, разработанную ведущими представителями организационно-производственной школы российской аграрной науки. В соответствии с данной концепцией производственной и социальной базой аграрного строя страны должны были стать трудовые крестьянские хозяйства, вовлеченные в систему многообразных форм сельскохозяйственной, кредитной и потребительской кооперации (см. [7]). Ставка на развитие не коллективного, а индивидуального крестьянского хозяйства в середине 1920-х гг. в целом соответствовала тактической линии Коммунистической партии в аграрном вопросе.

Однако начавшееся уже в 1926 г. свертывание нэпа привело к изменению аграрной политики, а также принципов регулирования земельных отношений. Приоритетным направлением внутриселенного землеустройства провозглашалось создание так называемых товарищеских форм землепользования [8, с. 14]. В директиве Сибкрайземуправления от 17 марта 1928 г. подчеркивалось, что «землеустройство совхозов, коллективов и простейших производственных объединений ни в какой степени не может быть приравнено по своему хозяйственно-экономическому и социально-политическому значению к землеустройству мел-

¹⁵ Перспективный план восстановления и развития сельского хозяйства Алтайской губернии. Омск, 1924. С. 203.

¹⁶ Резолюции 5-го Сибирского земельного совещания. С. 47.

¹⁷ Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2: Перспективный план.

¹⁸ П.А. Месяцев (1889–1938 гг.) – член большевистской партии с 1906 г. В 1921–1924 гг. – член коллегии Наркомзема РСФСР, был одним из идеологов и разработчиков Земельного кодекса 1922 г. С октября 1924 г. по июнь 1926 г. занимал должность заведующего Сибзем/Сибкрайземуправления. В последующие годы работал в кооперации, Сельхозбанке, Госплане СССР.

ких индивидуальных крестьянских хозяйств. Работы по <...> обслуживанию социалистического сектора в сельском хозяйстве должны быть в центре нашего внимания». В связи с этим ставилась задача – «не только безусловно землеустроить уже возникшие и возникающие коллективы и простейшие производственные объединения, но и всемерно стремиться к созданию таких объединений и коллективов в самом процессе землеустройства и во всяком случае создавать такие условия в землепользовании, которые бы облегчали кооперирование населения и коллективизацию хозяйства в дальнейшем, вслед за землеустройством»¹⁹.

По мнению сторонников классового подхода, негативно на перспективы перехода к коллективным формам землепользования влияло выделение не только хуторов, но и отрубов, в том числе временных. Исходя из этого, руководители ряда окрземуправлений уже в начале 1927 г. сочли необходимым минимизировать работы по разверстанию на отруба угодий в выделяемых из крупных общин поселках. Вместо подворного разверстания в них следовало проводить групповое (мелкообщинное) землеустройство [8, с. 19]. Сторонники такого подхода считали подтверждением своей правоты установку XV съезда ВКП(б) на ограничение практики раздела сельхозугодий на отруба «и особенно хутора» [9, с. 308].

Однако заведующий отделом землеустройства Сибкрайзему управления В.Е. Максимов придерживался иной точки зрения. По его мнению, в тех выселках, где не удастся ввести коллективное землепользование, следует осуществлять подворное землеустройство, которое «создает определенность и достаточную устойчивость в землепользовании каждого двора как самостоятельно хозяйствующей единицы». Максимов заявлял, что подворное разверстание на временные отруба на срок до следующего передела не противоречит директиве XV съезда, поскольку, «будучи неизбежным в общине, <...> сохраняет принцип уравнивания земель в пределах, допускаемых законом, и уже по одному этому не создает само по себе особых условий в землепользовании, ведущих к росту кулацких элементов». В то же время В.Е. Максимов считал, что, исходя из установок съезда, необходимо до минимума сократить подворное разверстание многодворных селений без предварительного их раздела на мелкие земельные общества. «Эти разверстания, внося некоторое временное успокоение в землепользование, создают застой в развитии оптимальных земельных отношений» [8, с. 19, 20].

С публичной резкой критикой позиции В.Е. Максимова выступил участковый землемер Гридусов. Он полагал, что так называемые подворно-хозяйственные участки – «это есть не больше, не меньше как единоличные отруба, только столб ставится без клейма». Ссылка Максимова на то, что подворные участки выделяются только на срок до передела, также «совершенно неосновательна», поскольку

они, как правило, предоставляются на 15–20 лет. «А отсюда вполне ясно, что, создавая подворные участки, мы задерживаем коллективизацию как минимум на 15–20 лет». Таким образом, землеустройство до двора «должно быть отвергнуто как не соответствующее решениям XV съезда ВКП(б) и задерживающее коллективизацию» [10, с. 69].

Гридусов считал, что оптимальной формой рационализации общины в современных условиях является разбивка общины на так называемые групповые отруба. «Земельное общество в результате такого группового землеустройства разбивается на отдельные ячейки, в которых сразу закладывается начало здорового объединения», и их последующая коллективизация может быть осуществлена без повторного землеустройства, как в случае с подворно-участковым разверстанием [10, с. 70].

В 1929 г. дискуссии были прекращены. В начале мая президиум Сибкрайисполкома предложил крайзему управлению и окрисполкомам «наряду с дальнейшим первоочередным развертыванием землеустройства по социалистическому сектору решительно отказаться от устройства единоличных форм землепользования (хуторов и отрубов) и сократить разверстывание на подворные участки». В «исключительных случаях (при необходимости передела)» допускалось разделение общинного надела на мелкие групповые участки (7–10 дворов). «При дроблении многодворных селений на выселки и разверстании на части» надлежало «всячески способствовать кооперированию в них отдельных процессов производства и полному переходу к коллективному ведению хозяйства»²⁰.

Однако в полной мере установки вышестоящих партийных и советских инстанций в практической работе сибирских земорганов реализовать не удалось. Это, в частности, вызвало недовольство народного комиссара земледелия РСФСР Н.А. Кубяка, который в сентябре 1929 г. на совещании ответственных земельных работников в Москве заявил, что «в Сибири имеют место грубые искажения классовой линии в работе земельных органов, в особенности при проведении землеустройства»²¹. В заключении коллегии Наркомзема РСФСР от 15 октября 1929 г. «О землеустройстве в Сибири» отмечалось, что «внутрихозяйственное землеустройство индивидуального сектора в значительной мере сводилось к образованию подворно-отрубных участков, которые не стимулируют развития коллективных форм хозяйства» (цит. по: [11, с. 91]).

Реагируя на подобную критику сверху, Сибкрайком ВКП(б) со страниц «Советской Сибири» потребовал от окружкомов, райкомов и партийных ячеек края «тщательно проверить работу органов, осуществляющих земельную политику, в особенности проводящих землеустройство»²². Началась тотальная чистка земельных органов Сибирского края. Затем последовала

²⁰ Там же. Д. 199. Л. 50.

²¹ Советская Сибирь. 1929. 15 сент.

²² Там же.

¹⁹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 161 б. Л. 46.

ли репрессии. В августе–октябре 1930 г. по обвинению в принадлежности к мифической «Трудовой крестьянской партии» были арестованы, а в апреле 1931 г. осуждены 35 известных сибирских специалистов и ученых-аграрников, в том числе В.Е. Максимов [12, с. 118].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. 782 с.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. 494 с.
3. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: очерки истории / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.]. Новосибирск: б/и, 2008. 308 с.
4. Месяцев П.А. Классовое направление аграрной политики и подъем производительных сил в сельском хозяйстве // Жизнь Сибири. 1925. № 5. С. 9–20.
5. Максимов В.Е. К начинающейся землеустроительной кампании // Земельный работник Сибири. 1925. № 1. С. 15–19.
6. Максимов В.Е. Некоторые итоги землеустройства в Сибкрае к 10-летию Октябрьской революции // Земельный работник Сибири. 1927. № 11. С. 11–18.
7. Ильиных В.А. Чаяновская альтернатива в Сибири: Перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края 1926 г. // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ученые записки. М.: Дело, 2011. Вып. 6. С. 176–191.
8. Максимов В.Е. 15 съезд партии о землеустройстве и наши задачи // Земельный работник Сибири. 1928. № 2. С. 19–24.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М.: Политиздат, 1984. Т. 4. 575 с.
10. Гривусов. В чем суть дела? Как надо правильно понимать директиву партийного съезда // Земельный работник Сибири. 1928. № 6. С. 68–71.
11. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 516 с.

12. Папков С.А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.

REFERENCES

1. Resolutions of the Party and Government on Economic Issues. Moscow, 1967, vol. 1, 782 p. (In Russ.)
2. CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums. 9th ed. Moscow, 1984, vol. 3, 494 p. (In Russ.)
3. Agrarian Reforms and Agriculture of Siberia in the XX Century: Essays on History. V.A. Ilyikh, S.N. Andreenkov, V.M. Rynkov. Novosibirsk, 2008, 308 p. (In Russ.)
4. Mesyatsev P.A. Class Direction of Agricultural Policy and the Rise of Productive Forces in Agriculture. *Zhizn' Sibiri*. 1925, no. 5, pp. 9–20. (In Russ.)
5. Maksimov V.E. To the beginning of the campaign of land surveying. *Zemel'nyj rabotnik Sibiri*. 1925, no. 1, pp. 15–19. (In Russ.)
6. Maksimov V.E. Some results of land surveying in Siberia to the 10th anniversary of the October revolution. *Zemel'nyj rabotnik Sibiri*. 1927, no. 11, pp. 11–18. (In Russ.)
7. Ilyikh V.A. Chayanov's Alternative in Siberia: 1926 Task Plan for Development of Agriculture in the Siberian Land. *Krest'yanovedenie: Teoriya. Istorija. Sovremennost' Uchenye zapiski*. Moscow, 2011, vol. 6, pp. 176–191. (In Russ.)
8. Maksimov V.E. 15 Congress of the party on land surveying and our tasks. *Zemel'nyj rabotnik Sibiri*. 1928, no. 2, pp. 19–24. (In Russ.)
9. CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums. 9th ed. Moscow, 1984, vol. 4, 575 p. (In Russ.)
10. Gridusov. What's this about? How to understand the Directive of the party Congress. *Zemel'nyj rabotnik Sibiri*. 1928, no. 6, pp. 68–71. (In Russ.)
11. Gushchin N.Ya. Siberian village on the road to socialism (socio-economic development of the Siberian village during the socialist reconstruction of the national economy. 1926–1937). Novosibirsk, 1973, 516 p. (In Russ.)
12. Papkov S.A. Common Terror: Stalinist Policies in Siberia. Moscow, 2012, 440 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 14.12.2015